

ПЕТРА СТАНКОВСКА
ЛЮБЛЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ БИБЛИЯ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ И ЧЕШСКАЯ СРЕДА

Ключевые слова: Франциск Скорина, Библия, предисловие, послесловие, богемизмы

Франциск Скорина, белорусский врач, выпускник Краковского и Падуанского университетов, начал в 1517 году в Праге осуществлять свой проект издания печатной Руской Библии на родном языке, понятном широкой общественности¹. Вдохновением для Скорины была Чешская Библия – первая печатная Библия на славянском языке, с которой он мог познакомиться еще во время своего пребывания в Италии, особенно с так называемой Венецианской Библией, изданной 1506 года в Венеции.

Когда и почему Скорина появился в Праге, и почему он начал издавать свою Библию на русском языке именно здесь, неизвестно². Возможно, что он прибыл в Прагу в 1515³ или 1516 году. Неизвестно также, почему и для чего Скорина приехал в Прагу – в немногочисленных источниках Скорина упоминается как врач, так что можно предположить, что он все время занимался медицинской практикой⁴. Почти всегда он был каким-то образом связан с правящей династией в местах его пребывания – сначала с Ягеллонами (Сигизмундом I, позже в Вильнюсе с епископом Иоанном, незаконнорожденным сыном Сигизмунда I), с герцогом Альбрехтом в Кенигсберге (1530) и во время своего второго пребывания в Праге, вероятно, с 1535 года, с императором Фердинандом I Габсбургом, на службе которого он работал до 1539 года в качестве садовника, специализирующегося на южных экзотических растениях⁵.

Не исключено также, что выбор Праги в качестве места работы был обусловлен возможностью сохранять в тайне свою издательскую деятельность либо каким-то образом сотрудничать с еврейской издательской средой Праги. Здесь в 1518 году издано еврейское Пятикнижие, возможно, даже в той же самой типографии, где

¹ В то время был перевод всей Библии на старославянском – Геннадиевская Библия от 1499 г., которая была доступна только в рукописном виде.

² А. В. Флоровский, *Чешская библия в истории русской культуры и письменности*, „Sborník filologický“ XII, Praha 1940–46, s. 153–258, zejm. s. 189, 194–195.

³ Тогда мог бы Скорина отделиться от делегации Сигизмунда I в Вену и поехать в Прагу. *Франциск Скорина и его время*, гл. ред. И. П. Шемякин, Минск 1990, s. 475.

⁴ F. Sokolová, *Nad některými problémy života a díla Francyska Skoryny*. Slavia 1978/3, s. 308–323, zejm. s. 315.

⁵ Ibidem, s. 315–319.

Скорина печатал свою Библию⁶. Возможность подобной связи с пражской еврейской средой подтвердил Петр Войт на основе анализа и сопоставления чешских книжных иллюстраций того времени. Для печати кириллических книг Скорина, вероятно, взял в аренду единственную в то время типографию в пражском Старом Городе, где печатались книги не только на латыне, но и на иврите⁷. Скорининский проект был технически связан с пражской средой и ее типографическими возможностями, которые в то время напрямую зависели от немецкой среды, особенно Нюрнберга, что нашло свое отражение также в иллюстрациях чешских печатных изданий того времени. Сам Скорина, однако, позаботился о содержании Русской Библии и ее оригинальных иллюстрациях, которые были хорошо обдуманы Скориной и изготовлены местными художниками относительно независимо от немецкой печатной традиции, что непосредственно обогатило чешскую книжную культуру и, в частности, иллюстрацию⁸.

Уже Йозеф Первольф справедливо указал на взаимоотношение скорининской Русской Библии с чешской Венецианской Библией 1506 год., в тексте которой впервые (в контексте старочешской Библии) появились ссылки на параллельные библейские места – этой практикой Скорина воспользовался в своей Библии. В соответствии с Венецианской Библией он перед каждой главой библейского текста выписал ее краткое содержание. Такие введения Венецианской Библии называются „kontinuaše (продолжение)”. Проведенный Первольфом текстологический анализ показал, что в своей работе Скорина использовал именно Венецианскую Библию⁹. Дополнительно он использовал также некоторые библейские тексты, доступные ему в церковнославянском переводе, который, будучи более или менее отредактированным, послужил основой для его собственной редакции библейского текста.

Его книга Псалмов (опубликована 6 VIII 1517), церковнославянский перевод которой был наиболее доступен, стала первым выпуском его Библии и была минимально отредактирована с языковой точки зрения: лишь наименее понятные для современного ему читателя места текста были разъяснены им на полях¹⁰, в основном с использованием толкований, заимствованных из чешской Венецианской Библии¹¹. Это можно рассматривать первоначальной неопределенностью редакторского подхода Скорины к издательской работе, которая в изданных позже книгах претерпела изменения: в них устаревшие или малопонятные современникам выражения заменялись другими словами уже непосредственно в библейском тексте.

⁶ А. В. Флоровский, *op. cit.*, s. 196.

⁷ Петр Войт освещает работу так называемого Мастера Скоринова декора, который был 1514 г. нанятым на работу на иврите Пятикнижия, но и другие доказательства свидетельствуют о связях Скорины с еврейской средой в Праге (P. Voit, *Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní kultury*, „Umění” 2014/4, s. 334–353, zejména s. 335).

⁸ *Ibidem*, s. 336–338 a 346–347.

⁹ Й. Первольф, *Славяне: их взаимные отношения и связи II*, Варшава 1888, s. 596.

¹⁰ F. Sokolová, *op. cit.*, s. 309–310.

¹¹ Флоровский указывает на слова как *buben* как объяснение к церковнославянскому *timpan* (Ps 81,3), *naglé k vnezaru* (Ps 43,5), *poslove k molitovnici* (Ps 48,32) aj. (А. В. Флоровский, *op. cit.*, s. 178).

Кроме церковнославянского перевода, Скорина использовал также чешский перевод, а в некоторых местах даже предпочел чешскую формулировку церковнославянской, на что обратил внимание П. В. Владимиров и более детально продемонстрировал А. В. Флоровский. Интересно, что практику использования чешского текста для выработки собственной редакции Скорина продолжил в своем Апостоле (Вильна, 1525 г.)¹². Оригинальность скорининского „перевода” следует понимать с учетом обычной в то время практики, когда было принято адаптировать для собственного перевода уже существующие лингвистически близкие тексты, используя, с большей или меньшей модификаций, целых их фрагменты. Подобная техника обеспечила Скорине возможность относительно быстрой подготовки к печати объемных текстов: во время своего пребывания в Праге в 1517–1519 годах он опубликовал Псалтырь и еще 22 библейские книги, каждую из которых он снабдил собственным предисловием и послесловием. Вместе с тем данный подход отразился также на языковой стороне библейских изданий Скорины.

Предполагалось, что Библия будет издана на живом современном языке. Живой язык, однако, понимался им весьма широко – церковнославянская основа просматривается не только там, где Скорина имел под рукой церковнославянский перевод: некоторые церковнославянские элементы присутствуют также в небиблейских текстах – в его авторских предисловиях и послесловиях. Благодаря использованию чешской версии в скорининскую Библию попали текстовые фрагменты, основанные на чешском переводе и лишь слегка модифицированные: в окончательной версии часто присутствуют прежде всего лексические богемизмы. А. В. Флоровский справедливо призывает к большой осторожности в определении богемизмов скорининской Библии. Он показал, что некоторые лексические, морфологические (например, утрата окончания *-t* в глагольных формах третьего лица ед. ч.) словообразовательные явления (самостоятельная, свободная морфема *-ся* возвратных глаголов или суффикс *-дло* у некоторых существительных, например *кридло*), которые П. В. Владимиров¹³ приводил в качестве несомненных богемизмов, представляют собой архаичные языковые элементы, обычные для юго-западной части восточнославянского ареала или некоторых польских диалектов. Флоровский также справедливо отметил, что при всей трудности определения степени чешского языкового влияния на скорининский текст, которая зачастую остается неопределенной, влияние чешского перевода Библии (в версии Венецианской Библии) на Библию Скорины несомненно¹⁴.

Понимая всю сложность выявления богемизмов и помня о всех связанных с этим интерпретационных ограничениях (особенно в небиблейском тексте), мы постараемся по крайней мере обозначить проблему иноязыковых влияний на текст предисловий и послесловий Скорины. Его авторские предисловия уже рассматривались с литературной и лингвистической точек зрения: внимание было сосредоточено на нескольких небольших поэтических текстах (из предисловия к Книге

¹² Ibidem, s. 173–179.

¹³ П. В. Владимиров, *Доктор Франциск Скорина*, Санкт–Петербург 1988.

¹⁴ А. В. Флоровский, *op. cit.*, с. 182–183.

Иова 1517 г., Книге Есфири 1519 г. и Книги Исхода 1519 г.), в которых было опознано начало белорусской поэзии. Определенную основу этих песен, особенно для Десяти Заповедей из предисловия к книге Исход, можно искать также в старочешской традиции¹⁵. Эти небиблейские тексты были особо рассмотрены в комментированном издании¹⁶ и, вместе с библейскими переводами, также в факсимильном издании Библии Скорины¹⁷, которым мы будем пользоваться в качестве источника примеров (приводятся в оригинальной орфографии). Учитывая большой объем языкового материала, заключенного в этих текстах, а также рамки данной статьи, мы остановимся лишь на некоторых из них: предисловии ко всей Библии, предисловиях и послесловиях к Пятикнижию, вышедших в 1519 году. Мы не ставим себе целью представить здесь полный список богемизмов, но посвятим основное внимание их функции и способам включения в скорининский текст.

Обычно послесловия Скорины довольно кратки (максимально десять строк), по своим формулировкам весьма похожи друг на друга и потому не представляют обильного материала. Богемизмом возможно считать использование слова *пильност* в значении „трудолюбие“ (во всех пяти послесловиях): повѣлениємъ и пильностию ѹченого мѣжа..., подобным образом богемизмом (точнее – палеобогемизмом) можно признать использование пассивных форм глагола *доконати* в смысле „завершить“, чему имеются аналогии в чешском языке, особенно в текстах высшего стилистического уровня (библейские тексты, юридические документы, литературные произведения¹⁸). Таким образом данный глагол используется, начиная с послесловия ко второй книге Моисея (а также в послесловиях к третьей, четвертой и пятой книгам): *ДОКОНАНЫ С҃҃ТЬ* второи книги монсеєвы..., причем в послесловии к первой книге встречается формулировка: *то єсть конецъ первыхъ книгъ монсеєвыхъ*. В послесловии к третьей книге читается также посвящение людемъ *посполитымъ*, достаточно частое также в других местах Библии, особенно в предисловиях, которое также могло бы считаться богемизмом, хотя в данном случае было бы уместнее говорить о полонизме.

Скорининские предисловия более пространны (десять страниц предисловия ко всей Библии, предисловия к отдельным книгам Моисея варьируют от трех до девяти страниц), богаче по содержанию и обеспечивают большее количество материала по сравнению с послесловиями. В основном они посвящены представлению и частичной интерпретации содержания соответствующей книги, поэтому иногда их текст основан на Библии, иногда даже в виде прямых библейских цитат. В языке предисловий присутствуют некоторые любопытные элементы, которые потенциально могут быть связаны с влиянием чешской языковой среды на окончательный текст Скорины.

¹⁵ F. Sokolová, op. cit., s. 320–321.

¹⁶ Ф. Скарына, *Прадмовы і пасляслоўі*, Мінск 1969.

¹⁷ *Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах. У 3 тамах*, ред. С. В. Кузмін, Мінск 1990.

¹⁸ Материал из старочешской базы данных UJČ AV ČR, словарная статья: „dokonati“: <<http://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>>, (28.07.2016).

Одним из таких элементов можно считать употребление модальных глаголов *мусети* и *имати*, соответствующее их использованию в чешском языке (*мусет*, возможно, также в украинском языке), тогда как окончание третьего лица ед. ч. дополнено согласно церковнославянской норме (в чешском языке к тому времени такое окончание уже исчезло): ...по неиже ягнець врести можетъ я глѣвока слонз ѡво пливати мѹсѣтъ. пример с глаголом *имати*: ...вси законы и права имиже люде на земли справовати са имають пописаны сѹтъ (оба примера из предисловия к Библии, с. 2). Во второй цитате, кроме модального глагола, интересно также использование полнозначного глагола *справовавти ся*, который имеет здесь значение „управлять”, что также может быть богемизмом. Аналогичным образом использованный глагол (наряду с модальным глаголом *имати*) находятся также в предисловии к Книге Левит (с. 1): имиже са имели справовати сами межи собою (по чешски это могло бы звучать: **jimiž se měli spravovati sami mezi sebou*).

Местами Скорина стремится без необходимости не повторять в тексте те же самые слова, чтобы предисловия не были слишком однообразны. На третьей странице предисловия к Библии появляется несколько условных предложений подряд, и все они вводятся различными союзами в смысле „если /когда”. Эти союзы представляют собой сочетание союзов, взятых из нескольких славянских языков, по-видимому, по стилистическим причинам, чтобы избежать повторения одного и того же союза. Так, следует обратить внимание на использование постпозитивной частицы *ли* и на ее употребление после различных слов: *хоѡеши ли*, *восхоѡеши ли*, *любо ли ти естъ* или *ящелиже*, *ято*. Богемизмами можно считать прежде всего союзы: *пакли*, *паклиже*, *естьли*, *полонизем*, видимо, является: *ящелиже коѡание имаша* (предисловие к Библии, с. 4). На богемизм похоже также использование глагола *потребовати* (по чешски: *potřebovat*): *потребуеши ли* (предисловие к Библии, с. 4) и союза *естьлиже* (предисловие к Левитикус, с. 2), по чешски: *jestliže*.

Иногда встречаются также различные комбинации слов, видимо, заимствованные из чешского языка и лишь немного (в отношении правописания, фонологии и морфологии) приведенные в соответствие с „русским” языком Скорины:

(1) ...справа всакого собраниа людского и всакого града еже верою соединениемз ласки и згодою посполитое доброе помножено бываеть (предисловие к Библии, с. 2) – выделенная часть могла бы звучать по-чешски так: **vírou, sjednocením/jednotou lásky a shodou*.

(2) ѹтимыжъ вставиуне светое еѡвангелие (предисловие к Библии, с. 4) – у глагола *чисти* видим характерный для старочешского языка постфикс *-ж*, который пользовался в адхортативных формулировках, как и здесь, в форме императива. Соответствующий чешский текст мог бы звучать так: **čtěmež ustavičně svaté evangelium*.

Постфиксом *-ж* употребляется также с союзом *прото*, где постфикс выполняет функцию указания на предыдущий контекст: *протж и нарицаетса книга сия левит* (предисловие к Левитикус, с. 2). Из подобных употреблений позже возник чешский союз *protože*.

Тот же союз употребляется в предисловии ко Второзаконию (с. 1, 2): *протож ядам и еѡва первии родителе наши....*

(3) ...и гдеже Ѡпоуивали сѹть на пѹстыни (предисловие к Библии, с. 5), что по-чешски могло бы звучать **odpočivali (jsou) na poušti*, причем вспомогательный глагол *быти* в третьем лице претерита в стилистически обработанных чешских библейских текстах хорошо и долго сохранялся, хотя и исчез в живом языке.

(4) ...недѣтовала естѹ живота своѣго (предисловие к Библии, с. 7) – по-чешски: **nelitovala (jest) života svého*.

(5) повѣдаеть о ставлѣнии храмѹ сведѣния, ѡковымѹ обычаемѹ имаеть быти деланѹ (предисловие к Исходу, с. 3) – девербативное самостоятельное *ставление* могли бы сравнить с чешским **stavění chrámu*.

(6) ...мерицѹ мѹки пшееничнѹе (предисловие к Левитикус, с. 2) – здесь возможно усмотреть параллель с чешским **měřici mouky pšeničné*.

(7) ...естѹлиже чѹто злого предѹ богомѹ ѹчинили сѹть ведеме или неведеме (предисловие к Левитикус, с. 4) – здесь можно представить себе весьма схожий чешский текст: **jestliže (ně)co zlého před bohem učinili (jsou) vědomě nebo nevědomě*.

(8) ѡлеемѹ ласки вожиен покроплена (предисловие к Левитикус, с. 8) – похожий чешский текст: **olejem lásky boží pokropena*.

В тексте часто повторяются также некоторые отдельные лексемы, которые можно признать богемизмами, например ноа ... со ѹедедию в смысле „с семьей”, в старочешских библиях: *s čeledí* (предисловие к книге Бытия, с. 1), носыфѹ ... прикро глагола к нимѹ в смысле „резко” – ср. чеш. *příkře* (предисловие к книге Бытия, с. 2), ѡ плащи или о ризѣ верхнеи в смысле „верхняя одежда” – ср. чеш. *plášť*, ст.-чеш. *plášč* (предисловие к Исходу, с. 3), непорѹшаючи замковѹ паненства еѡа в смысле „девичество” – ср. чеш. *panenství*, хотя Скорина строкой выше пишет: пречистѹе девици (предисловие к Исходу, с. 4), церковѹ ... звѣстовала в смысле „сообщила” – ср. ст.-чеш. *zvěstovala* (предисловие к Левитикус, с. 8), ѡбы люде чистотѹ заховали в смысле „сохранить” – ср. чеш. *zachovat* – **aby lidé čistotu zachovali* (предисловие к Левитикус, с. 8), слѹбѹеть богѹ – ср. чеш. *slibuje* (предисловие к Левитикус, с. 9), не к пожиткѹ единого человета в смысле „что-то приятное” есть также в чешском: *požitek* (предисловие к Второзаконию, с. 3).

Этот краткий обзор языковых явлений скорининской печатной Библии Русской позволяет считать, что космополитически настроенный ренессансный ученый реализовал этот издательский проект в соответствии с собственным широким пониманием сходящихся традиций, культур и языков, не останавливаясь перед использованием влияния любого из них. Скорее наоборот – он имел удачно использовать технические и языковые возможности каждой из традиций, объединяя и синтезируя их, чтобы в конечном счете сформировать нечто целое. Чешская среда, в которой Скорина выпустил большую часть своей Русской Библии, повлияла на ее технический дизайн и содержание. В соответствии с чешской Венецианской Библией 1506 года в Библии Скорины появляются ссылки на параллельные библейские места, и перед отдельными главами дается краткий обзор их содержания.

Библейский текст ясно подтверждает принятие во многих местах чешского материала в качестве основы окончательной текстовой версии Скорины. Значимы является также влияние чешской языковой среды на окончательный текст Русской

Библии, как в самом библейском тексте, так и авторских произведениях Скорины – в его предисловиях и послесловиях к отдельным библейским книгам. Если в библейских текстах преобладают попытки соблюсти церковнославянскую языковую основу, которая лишь в малой степени корректировалась его родным языком, а также чешским и польским – с целью сделать весь текст более понятным для современников Скорины, обладавшим разным уровнем образования, то его предисловия и послесловия еще более свободно учитывали живой язык того времени. Их основой, вероятно, послужил родной язык Скорины, интегрировавший в себя средства выражения церковнославянского и, реже, чешского и польского языков, которыми он пользовался, в основном, по стилистическим (во избежание частого повторения одних и тех же слов), терминологическим (когда соответствующий уже существовал в другом языке) или издательским (в случае отсылки к параллельным библейским текстам) причинам. Работу Скорины с элементами различных славянских языков не следует сводить к простому механическому заимствованию: важно раскрыть причины и принципы этой процедуры.

SUMMARY

Petra Stankovska

Skaryna's Russian Bible and the Czech environment

Keywords: Francysk Skaryna, Bible, Russian Bible, Prague, Czech environment

Francysk Skaryna published in Prague in the years 1517–1519 a total of 23 books of his Russian Bible, each with its own preface and afterword. The language of the Bible should have been the contemporary living language that would be understood by ordinary people. The Czech environment certainly influenced on Skaryna's Bible by its printing options of the Old Town of Prague, and especially by Venetian Czech Bible from 1506, which inspired Skaryna's way of editing the layout and the content of his Russian Bible and from which are properly adapted some passages in his translation. The influence of the Czech language environment is also reflected in Skaryna's prefaces and afterwords. Based on the analysis of prefaces and afterwords to the whole Bible and to the five books of Moses, which came out in 1519, we will try to show that some Czech borrowings were in Skaryna's original texts used for stylistic reasons.